

О НОВГОРОДСКОМ ДЕНЕЖНОМ СЧЕТЕ XI ВЕКА, ИЛИ КРАТКАЯ РЕДАКЦИЯ ПРАВДЫ РУССКОЙ КАК ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ФАЛЬСИФИКАТ (В СВЕТЕ ГИПОТЕЗЫ А. П. ТОЛОЧКО)

Аннотация: В 2009 г. А. П. Толочко предпринял попытку доказать, что в начале XV века в Новгороде имел место подлог: анонимный составитель Новгородской первой летописи младшего извода создал текст Краткой редакции Правды Русской, хитроумным образом сократив и отредактировав текст Пространной редакции. Полученный таким способом фальсификат на протяжении более двух с половиной веков вводил в заблуждение многие поколения историков, и лишь в наше время удалось окончательно распознать подделку. Одним из аргументов Толочко является его мнение об аномальности денежного счета Краткой Правды, объясняющейся подложностью ее текста. В предлагаемой

статье показано, что система денежного счета Краткой Правды непротиворечива и связана регулярными соответствиями с более инновационной системой денежного счета Пространной Правды. По итогам анализа нумизматической терминологии обоих памятников следует заключить, что «алгоритм мистификации» текста Краткой Правды на основании текста Пространной неразрешим и что вероятность успеха такой мистификации близка к нулю. Гипотеза А. П. Толочко должна быть отвергнута.

Ключевые слова: Правда Русская, краткая редакция, пространная редакция, денежный счет, нумизматическая лексика, гривна, гривна кун, ногата, куна, резана, веверица, векша, алгоритм, Новгород.

В начале XV века в Новгороде имел место исторический подлог¹: анонимный составитель Новгородской первой летописи младшего извода *создал текст* Краткой редакции «Правды Русской» (КрП), хитроумным образом сократив и отредактировав текст Пространной ре-

дакции (ПрП), «чтобы снабдить читателя летописи удобным и необременительным текстом „Ярославлей грамоты“»². Полученный таким способом фальсификат³ на протяжении более двух с половиной веков (со времени В. Н. Татищева) вводил в заблуждение многие поколения историков — и лишь в наше время

¹ Толочко А. П. Краткая редакция Правды Русской: происхождение текста. Киев, 2009. С. 111. прим. 246.

² Там же. С. 109–110.

³ Там же. С. 111, прим. 246.

удалось окончательно распознать подделку.

Такова сверхкраткая формулировка гипотезы, предложенной киевским историком А. П. Толочко немногим более десяти лет назад в монографии «Краткая редакция *Правды Руской*: происхождение текста»⁴. Новизна этого взгляда, опирающегося на давнее, но не получившее развития в последующей историографии предположение А. И. Соболевского⁵ и Е. Ф. Карского⁶, согласно которому дошедший до нас текст КрП является производным от текста ПрП⁷, заключается в простом и прямолинейном решении головоломного вопроса о текстологическом соотношении КрП и ПрП. Последняя проблема не получила окончательного или убедительного решения в работах Соболевского и Карского,

⁴ Нужно отметить, что продвигаемая А. П. Толочко (и его отцом П. П. Толочко) методом форсинга форма *руская* (с одной *с*, в реальном произношении несомненно сохранявшей долготу) является поздним (XIII–XIV вв.) и, вопреки безосновательным и волюнтаристским утверждениям этих киевских историков, далеко не предпочтительным орфографическим вариантом. До падения слабого редуцированного в суффиксе, сохранявшегося на протяжении XI–XII вв., единственным этимологически и орфографически безошибочным вариантом этого прилагательного (членная форма женского рода) является написание *роусьская* (*русьская*).

⁵ Соболевский А. И. Две редакции Русской Правды // 1885–1915: Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916. С. 17–23.

⁶ Карский Е. Ф. Русская Правда по древнейшему списку: Введение, текст, снимки, объяснения, указатели авторов и словарного состава. Л., 1930.

⁷ По словам А. А. Зимина, эту точку зрения высказывали в XIX в. М. Т. Каченовский и Д. Н. Дубенский. См.: Зимин А. А. Правда русская. М., 1999. С. 13–14.

поскольку оба исследователя ограничились не более чем скупыми предварительными замечаниями. Как справедливо отмечает М. Н. Тихомиров, «аргументация А. И. Соболевского совершенно не разработана. На протяжении семи страниц он затронул множество вопросов, связанных с происхождением такого сложного памятника, каким является Русская Правда, не разрешив и даже как следует не разобрав ни одного. Поэтому общий вывод этого большого знатока древнерусской литературы является голословным. <...> Соболевский оставил без всякого рассмотрения вопрос о том, каким образом позднейший редактор, сокращавший какой-то неизвестный извод Пространной Правды, не сделал ни одного анахронизма, хотя такими анахронизмами нередко изобилуют позднейшие списки Пространной Правды, а также, чем объясняется большая полнота и исправность целого ряда статей краткой редакции Правды по сравнению с Пространной. Наконец он не объяснил, какие причины вызвали появление краткой редакции, малопонятной и неясной, когда уже существовали списки Пространной Правды, внесенные в Кормчие. Таким образом, соображения Соболевского о позднем происхождении Краткой Правды по существу остались недоказанными»⁸.

Вопреки этой оценке М. Н. Тихомирова, А. П. Толочко некритически присоединился к мнению А. И. Соболевского, удачно оказавшемуся удобным в качестве отправной точки и преподнесенному киевским автором в качестве «забытой истины»⁹,

⁸ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 30.

⁹ Толочко А. П. Краткая редакция Правды Русской: происхождение текста. С. 113.

с моделировал таинственную фигуру новгородца-мистификатора, ответственного за *появление* КрП, которая «создавалась в расчете на летопись и никогда вне летописи не существовала»¹⁰, и поставил перед собой задачу раскрыть некоторые детали его мистификаторской техники.

За истекшее десятилетие, насколько мне известно, построения Толочко не привлекли к себе ни интереса, ни внимания и — за исключением ценных дискуссионных статей П. В. Лукина и К. Цукермана¹¹ — не привели к появлению критических откликов в русскоязычной историографии. Причин этому может быть несколько. Главной и наиболее очевидной из них (помимо известной провокационности вопроса о мистификации памятника начала XI века через четыреста лет после событий, с которыми, согласно общепринятым взглядам, связано его появление) я считаю несоответствие доводов и методов, использованных Толочко для обоснования подложности КрП, современному уровню знаний о том, как следует доказывать или опровергать поддельность средневековых текстов. Дело в том, что к моменту публикации его работы в соответствующей области историко-филологической критики имел место ключевой поворот, связанный с применением методов структурной и описательной лингвистики к анализу тонких языковых особенностей из-

учаемых памятников. Впечатляющие результаты, полученные А. А. Зализняком при исследовании ранговой грамматики древнерусских клитик¹², и вытекающий из них неопровержимый вывод о *подлинности* «Слова о полку Игореве»¹³ в смысле соответствия языка памятника ритмико-синтаксическим нормам XII в. и в смысле невозможности эффективно и безошибочно мистифицировать подобный текст в XVIII в., не нарушив ни одного из многочисленных правил (еще не открытых и в точности не описанных), навсегда изменили наш взгляд на то, как должна проводиться строгая процедура «вывода мистификаторов на чистую воду». В этой связи чрезвычайно показательным является следующий легкомысленный отклик Толочко на фундаментальные результаты Зализняка: «Сравнительно поздние списки, впрочем, редко останавливали филологов в поисках древних языковых черт (или их реконструкции) <...>. Наиболее показательный пример (из последних) — книга А. А. Зализняка о „Слове о полку Игореве“, в которой автор оказывается в состоянии обнаружить языковые черты XII в., исследуя список 1800 г.»¹⁴. (Между прочим, приведенная цитата недвусмысленно свидетельствует о том, что А. П. Толочко не дал себе труда разобраться — или, скорее, оказался не в состоянии понять, — в чем именно заключаются методика и характер работы Зализняка и значение его достижений в области структурно-лингвистической

¹⁰ Там же. С. 110.

¹¹ Лукин П. В. Коровья татья в Правде Русской // По любви, в правду, безо всякие хитрости. М., 2014. С. 123–131. Цукерман К. О Правде Руской // Ruthenica. Т. XII. Київ, 2014. С. 108–156. Там же напечатан и ответ (ещё менее убедительный, чем книга 2009 г.): Толочко А. Пропавшая грамота // Ruthenica. Т. XII. Київ, 2014. С. 157–168.

¹² Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008.

¹³ Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004.

¹⁴ Толочко А. П. Краткая редакция Правды Руской: происхождение текста. С. 21 и прим. 22.

экспертизы и историко-языковой атрибуции древнерусских текстов.)

Ниже я хотел бы дать оценку гипотезе А. П. Толочко, стремясь следовать его логике («продемонстрировать, как сделана КрП»¹⁵). К большому сожалению, киевский автор уклонился от того, чтобы, обосновывая собственный подход, дать исчерпывающий список правил, которым следовал новгородский мистификатор XV века в своем неблагоприятном предприятии. Реконструировать такой список, т. е. продемонстрировать конкретный *алгоритм мистификации*, — задача, с учетом объема и характера текстуального пересечения КрП и ПрП, вполне выполнимая. Я полагаю, что при современном уровне знаний только такой результат (а не бесплодные экзерсисы в жанре вульгарного скептицизма, культивируемого А. П. Толочко) мог бы обладать необходимой компактностью, наглядностью и убедительностью. На данном этапе, однако, достаточно проанализировать наиболее яркий и показательный фрагмент этого алгоритма, имея в виду, что его опровержение с необходимостью повлечет за собою и опровержение всего алгоритма. Таким фрагментом (к которому обращается в своих рассуждениях и А. П. Толочко) являются правила взаимного пересчета нумизматической терминологии ПрП и КрП (безотносительно к направлению: КрП → ПрП vs. ПрП → КрП), за которыми стоят различия систем денежного счета обоих памятников.

Попытка представить систему денежного счета, выявляемую в тексте КрП в соотношении с системой денежного счета ПрП, привела А. П. Толочко к следующе-

му выводу: «КрП содержит нечто настолько странное, что все попытки объяснить это как часть нормального порядка вещей обречены на неудачу. Манера, в которой автор КрП считает деньги, не „архаична“, но настолько своеобразна, что не совпадает ни с одной денежной системой, будь то XI, XII или XIV в.»¹⁶. Этот вывод, идущий вразрез не только с надежно установленным еще в XIX в. соотношением денежных единиц КрП, но и с данными новгородских берестяных грамот XII–XIII вв. (цитируемыми и А. П. Толочко), продолжающими ту же систему счета, что и КрП, свидетельствует о недостаточном понимании (или нарочитом «непонимании»?) киевским историком материала привлекаемых им источников.

Попытаемся, не боясь обречь себя на неудачу, проверить, насколько обоснованы утверждения Толочко.

Как хорошо известно (со времен И. Д. Беляева и П. С. Казанского и до Н. П. Бауера, В. Л. Янина и А. В. Назаренко), система денежных единиц КрП насчитывает четыре элемента: *гривну* (встречается в КрП 42 раза), *ногату* (встречается в КрП 5 раз), *куну* (встречается в КрП 9 раз) и *резану* (встречается в КрП 14 раз), находящиеся в следующем арифметическом соотношении: 1 гривна = 20 ногатам = 25 кунам = 50 резанам. К этим единицам следует добавить термины *веврица* ‘самая мелкая денежная единица’ (в КрП встречается один раз) и *скот*₁ ‘деньги’ (в КрП встречается дважды).

Система денежных единиц ПрП значительно отличается от таковой КрП и состоит из следующих элементов: *гривна* (встречается в ПрП 80 раз), *гривна кун*

¹⁵ Там же. С. 111, прим. 246.

¹⁶ Там же. С. 35.

(встречается в ПрП 10 раз), *гривна золота* (встречается в ПрП единожды), *ногата* (встречается в ПрП 10 раз) и *куна* (встречается в ПрП 43 раза). Лексема *веверица* словарю ПрП неизвестна: вместо нее выступает *векша* ‘самая мелкая денежная единица’ (всего 4 случая в тексте ПрП). Так же неизвестна словарю ПрП лексема *скот*₁ ‘деньги’: вместо нее повсеместно выступает лексема *куны* (pluraliatantum) ‘деньги’ (встречается в ПрП 36 раз)¹⁷. В то же время лексема *скот*₂ ‘домашние животные’, неизвестная словарю КрП, встречается в тексте ПрП пять раз и, помимо этого, дважды встречается лексема *скотина* (сингулятив от *скот*₂).

Сравнение текстуальных пересечений КрП и ПрП позволяет установить следующую сетку регулярных соответствий нумизматических терминов resp. единиц денежного счета¹⁸:

гривна КрП ~ *гривна* ПрП: *40 гривенъ за голову* <...> *40 гривенъ положити за нь* КрП.1 ~ *за голову 80 гривенъ* <...> *40 гривенъ положити за нь* ПрП.1; *взяти емоу за обиду 3 гривне* КрП.2 ~ *платити ему продажу 3 гривны* ПрП.29; *12 гривне* КрП.3 ~ *12 гривенъ* ПрП.25; *12 гривне за обиду* КрП.4 ~ *12 гривне продажи за*

¹⁷ Все обсуждаемые нумизматические термины известны также и в Повести временных лет, см.: Кулешов Вяч. С. Нумизматическая лексика и нумизматические ситуации в «Повести временных лет»: синтагматические и парадигматические аспекты // Деньги в российской истории: вопросы производства, обращения, бытования. Вып. I. СПб., 2018. С. 217–222.

¹⁸ Контексты цитируются в упрощенной записи. Нумерация статей общепринята и следует изданиям: Правда Русская. Т. I. Тексты / Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1940; Памятники права Киевского государства X–XII вв. / Сост. А. А. Зимин. М., 1952.

обиду ПрП.23; *40 гривенъ* КрП.5 ~ *поставири 20 гривенъ, а тому за векъ 10 гривенъ* ПрП.27; *3 гривны за обиду* КрП.7 ~ *3 гривны продаже, а самому гривна конунъ* ПрП.28; *а во оусе 12 гривне, а в бороде 12 гривне* КрП.8 ~ *а кто порветь бороде, <...> то 12 гривенъ продаже* ПрП.67; *3 гривне* КрП.10 ~ *3 гривны продажи* ПрП.31; *3 гривне за обиду* КрП.11 ~ *3 гривны продажи* ПрП.32; *положити 3 гривне* КрП.12 ~ *3 гривны* ПрП.33; *3 гривне за обиду* КрП.13 ~ *за обиду платити ему 3 гривны* ПрП.34; *за обиду 3 гривне* КрП.15 ~ *за обиду 3 гривны* ПрП.47; *да платитъ господинъ за нь 12 гривне* КрП.17 ~ *платити за нь господину 12 гривенъ* ПрП.65; *аще оубьютъ огнищанина въ обиду, то платити за нь 80 гривенъ оубищи, а людемъ не надобе; <...> а иже оубьютъ огнищанина в разбои, или оубища не ищють, то вирное платити, в неи же вири голова начнетъ лежати* КрП.19–20 ~ *аже кто оубиетъ княжа мужа в разбои, а головника не ищють, то виревную платити, въ чьей же верви голова лежитъ то 80 гривенъ; паки ли людинъ, то 40 гривенъ* ПрП.3; *а въ княжи тивоуне 80 гривенъ; а конюхъ старый оу стада 80 гривенъ* КрП.22–23 ~ *а за тивунъ за огнищныи, и за конюшии, то 80 гривенъ* ПрП.12; *12 гривне* КрП.24 ~ *12 гривенъ* ПрП.13; *5 гривенъ* КрП.25 ~ *5 гривенъ* ПрП.14; *въ хо[ло]пе 5 гривенъ* КрП.26 ~ *холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ* ПрП.16; *за княжь конь, иже той с пятномъ, 3 гривне; а за смердеи 2 гривне, <...> за воль гривноу, <...> за лоньциноу полъ гривне* КрП.28 ~ *княжь конь, то платити за нь 3 гривны, а за инехъ по 2 гривны. <...> за воль гривна, <...> за лоньциноу полъ гривны* ПрП.45; *гривноу и тридесять резанъ платити*

емоу <...> по три гривне и по 30 резань платити моужевеи КрП.31 ~ платити ему 3 гривны и 30 кун <...> по 3 гривны и по 30 кунъ платитъ ПрП.41; въ княже борти 3 гривне КрП.32 ~ аже борть подъянетъ, то 3 гривны продаже, а за дерево пол гривны ПрП.75; за обиду 3 гривны <...> 12 гривъне КрП.33 ~ 3 гривны продажи, а за муку гривна кунъ, <...> 12 гривень продаже, а за муку гривна ПрП.78; за обиду 12 гривне КрП.34 ~ 12 гривень продажи ПрП.72; за обиду 3 гривны КрП.37 ~ продаже 3 гривны, а господину гривна ПрП.81; вирникоу 60 гривень и 10 резань и 12 веверици; а переде гривна КрП.42 (Покон вирный) ~ вирнику 8 гривень, а 10 кунъ перекладная, а метелнику 12 векиши, а съсадная гривна ПрП.9 (Покон вирный).

ногата КрП ~ ногата ПрП: за яря ногата, за боранъ ногата КрП.28 ~ за порося ногата, за овцю 5 кунъ, за боранъ ногата, <...> за жеребя 6 ногатъ, а за коровие молоко 6 ногатъ ПрП.45; либо полоть, или две ногате КрП.42 ~ либо полоть, либо 2 ногате ПрП.9; взяти от дела ногата, а от городници ногата КрП.43 (Урок мостников) ~ от 10 локоть по ногате, <...> взяти ему по куне от городне ПрП.97 (Урок мостников).

куна КрП ~ 2 куны ПрП (соответствие учитывает регулярный пересчет по курсу: 1 куна КрП = 2 резаны КрП = 2 куны ПрП, о последних см. ниже): а третьякъ 15 коунъ КрП.28 ~ а за третьяку 30 кунъ ПрП.45.

резана КрП ~ куна ПрП: за кобылоу 60 резань, <...> за коровоу 40 резань, <...> за теля 5 резань КрП.28 ~ за кобылу 7 кунъ, <...> за корову 40 кунъ, <...> за теля 5 кунъ ПрП.45; гривноу и тридесять резань платити емоу <...> по три гривне и по 30 резань платити моужевеи КрП.31

~ платити ему 3 гривны и 30 кун <...> по 3 гривны и по 30 кунъ платитъ ПрП.41; за лодью платити 30 резань, а продажи 60 резань КрП.35 ~ 60 кунъ продаже, а лодию лицемъ воротити ПрП.79; въ оутке, и въ гоусе, и въ жераве, и въ лебеди 30 резань; а продажи 60 резань КрП.36 ~ за оутовъ 30 кунъ, а за гусь 30 кунъ, а за лебедь 30 кунъ, а за жеравль 30 кунъ ПрП.81; по 60 резань продажи; а хто изималъ, томоу 10 резань КрП.40 ~ 60 кунъ; будетъ ли ихъ много, то всемъ по 60 кунъ ПрП.42; въ средоу резаноу, въже сыры, <...> вирникоу 60 гривень и 10 резань и 12 веверици; <...> за рыбы 7 резань КрП.42 (Покон вирный) ~ в середу куна же сыръ, <...> вирнику 8 гривень, а 10 кунъ перекладная, а метелнику 12 векиши, а съсадная гривна ПрП.9 (Покон вирный).

веверица КрП ~ векша ПрП: вирникоу 60 гривень и 10 резань и 12 веверици КрП.42 (Покон вирный) ~ вирнику 8 гривень, а 10 кунъ перекладная, а метелнику 12 векиши ПрП.9 (Покон вирный).

скот₁ 'деньги' КрП ~ куны ПрП: не вдаль боудеть достоино емоу свои скотъ КрП.15 ~ не даль ему кунъ за много летъ ПрП.47; а ты своего скота ищи при видоце КрП.16 ~ то оному вести и по кунамъ ПрП.38 (пример текстологически проблематичен, текст ПрП.38 не вполне прозрачен).

Нерегулярными, т. е. нуждающимися в объяснении каждого случая, являются следующие два соответствия:

гривна КрП ~ гривна кун ПрП: Оже ли кто вынезь мечь, а не тнетъ, то тьи гривноу положить КрП.9 ~ Аже ли вынезь мечь, а не оутнетъ, то гривна кунъ ПрП.24. Во всех остальных случаях термин гривна кун не имеет соответствия в КрП и встречается только в тех контек-

стах ПрП, которые либо являются расширениями соответствующих статей КрП, либо представляют отдельные статьи. Три альтернативных (не обязательно верных) объяснения ad hoc: снижение штрафа за удар мечом в четыре раза (поскольку *гривна кун* в денежной системе ПрП составляет четверть *гривны*); перестановка (по отношению к протографу ПрП) **кунь гривна* ‘денег [суммой одна] *гривна*’ → *гривна кунь*; единичная гиперкоррекция-наращение *гривна* → *гривна кунь*, (обратные случаи *гривна кунь* → *гривна* надежно фиксируются в тексте ПрП дважды: ПрП.20 и ПрП.81).

куна КрП ~ *куна* ПрП (как будто бы нерегулярное соотношение курсов, нарушающее правило 1 *куна* КрП = 2 *резаны* КрП = 2 *куны* ПрП): *а въ голоубе и въ коуряти 9 коунь* КрП.36 ~ *а за голубь 9 кунь, а за куря 9 кунь* ПрП.81; *оже сено крадоуть, то 9 коунь; а въ дровехъ 9 коунь* КрП.39 ~ *а въ сене и въ дровехъ 9 кунь* ПрП.82. Допустимы различные объяснения ad hoc, но в любом случае первичными правдоподобно признать чтения КрП, поскольку в соответствующих контекстах КрП при исчислении стоимости украденных птиц фигурируют одновременно *куна* и *резана*, а в ПрП — только *куна*; вопрос об отсутствии пересчета штрафов с 9 *кун* КрП на 18 *кун* ПрП (эта сумма вообще не известна ни в одной из статей) я оставляю открытым. Отметим, что, судя по группе статей ПрП.81–82, которым соответствуют статьи КрП.36–37 и 39, позиция статьи КрП.38 («Аще оубьютъ татя на своемъ дворе»), не имеющей соответствия в тексте ПрП, должна быть признана отклоняющейся от того прототипа XI в., который был использован при составлении ПрП в XII в.

В статьях ПрП, не имеющих соответствия в КрП, широко представлены термины, специфические для денежной системы ПрП: *гривна кун* ‘одна четвертая часть гривны’ и особенно *куны* ‘деньги’, что вполне естественно и традиционно объясняется динамикой правовых ситуаций и расширением законодательного регулирования финансово-кредитной сферы от XI к XII веку (таковы, в частности, многочисленные статьи ПрП о *резах* ‘процентах по кредиту’). Прочие термины, чуждые денежному счету КрП, — *гривна золота* и *векша* — представлены в статьях ПрП единичными примерами.

Наконец, появление в текстах ПрП лексемы *скот₂* (collectiva) ‘домашние животные’ и *скотина* (singularia tantum) ‘домашнее животное’ в трех статьях, находящихся соответствие в тексте КрП, прозрачно опознается как результат правки статей КрП составителями ПрП: *а иже крадетъ любо конь, любо волы, или клетъ* КрП.31 ~ *аже крадетъ кто скотъ въ хлеве или клетъ* ПрП.41; *аже оукрадоуть овъцоу или козоу, или свинью* КрП.40 ~ *аже крадетъ скотъ на поли, или овце, или козы, ли свиньи* ПрП.42. В статью ПрП.45 (~ КрП.28) внесен заголовок «А се уроци *скоту*», не имеющий соответствия в КрП. Устойчивая формула *или конь, или портъ, или скотина* повторяется дважды в статьях ПрП.35 (соответствует КрП.14, хотя дошедший до нас текст начала КрП.14, по-видимому, содержит лауну длиной в несколько слов) и ПрП.37 (не имеет соответствия в ПрП) и является инновацией юридического языка ПрП.

Фундаментальный факт, значение которого выходит далеко за рамки дискуссии о текстуальном соотношении КрП

и ПрП, заключается в том, что засвидетельствованные обоими памятниками системы нумизматической терминологии и системы денежного счета независимы друг от друга и непротиворечивы каждая в отдельности. Диахронически система КрП является более ранней, чем система ПрП: в первой из них больше нюансированы мелкие платежные единицы (*ногата*, *куна* и *резана*), во второй — крупные (*гривна* и *гривна кун*), что соответствует хорошо известной тенденции экономического роста в древнерусских городах от XI к XII веку, ярче всего воплощаемой массовым каменным строительством. Во-вторых, существенные различия в лексическом оформлении одних и тех же денежных единиц и понятий в текстах КрП и ПрП свидетельствуют о том, что издание (архетипов) обоих памятников имело место в нетождественных в диалектном отношении регионах древнерусского мира, соответственно опознаваемых как Новгородская и Владимиро-Суздальская земли (одним из поддерживающих аргументов здесь может служить соответствие *гривна* КрП ~ *гривна* ПрП, поскольку, как известно, в обеих севернорусских землях обращались платежные слитки единого весового стандарта, противопоставленного весовому стандарту южнорусских слитков киевского типа).

Если КрП в том виде, в каком она дошла до наших дней (в составе Новгородской первой летописи младшего извода), в конечном счете восходит к новгородскому протографу XI–XII вв. и в целом не дает примеров нумизматического словоупотребления, противоречащего этой локализации и датировке, то ПрП, в свою очередь, предстает памятником уже общерусским,

отражающим нормы нумизматического словоупотребления в городах Владимиро-Суздальской земли XII–XIII вв. Именно в этом ключе текст ПрП, судя по сумме нумизматических контекстов, был тщательно проработан, нетривиальным образом «впитав» в себя более ранний материал новгородской и отчасти киевской правовой традиции XI в. (Разумеется, этот вывод далеко не нов и вполне традиционен.)

В свете сказанного мы можем вернуться к гипотезе А. П. Толочко о текстуальной зависимости КрП от ПрП и оценить правдоподобие этой гипотезы. Предположим, что А. П. Толочко ошибается в своем утверждении и что ПрП существенно использует текст КрП. В этом случае нумизматический фрагмент трансформационного алгоритма «КрП → ПрП» будет включать в себя следующие правила:

- (1) *гривна* КрП → *гривна* ПрП;
- (2) *ногата* КрП → *ногата* ПрП;
- (3) *куна* КрП → 2 *куны* ПрП;
- (4) *резана* КрП → *куна* ПрП;
- (5) *веверица* КрП → *векша* ПрП;
- (6) *скот*₁ КрП → *куны* ПрП.

Фиксируемое нами текстуальное соотношение КрП и ПрП полностью и почти без исключений¹⁹ описывается этим набором простых правил. За пределами действия алгоритма остаются текстовый материал ПрП, не имеющий соответствий в КрП и насыщенный более инновационной нумизматической лексикой.

Предположим теперь, что А. П. Толочко прав и что КрП построена как сокращенная и глубоко отредактированная версия ПрП. Учтем, что текст ПрП изобилует не имеющими соответствий в КрП нумиз-

¹⁹ Ср. выше, однако, несколько текстологически ненадежных случаев.

матическими терминами *гривна кун* ‘четверть гривны’ и *куны* ‘деньги’ и что в нем также встречается термин *скот₂* ‘домашние животные’. В этом случае «нумизматический фрагмент» трансформационного алгоритма «ПрП → КрП» должен включать в себя следующие правила:

- (1) *гривна* ПрП → *гривна* КрП;
- (2) удалить из текста ПрП все клаузы, в которых читается *гривна*, но подразумевается *гривна кун*;
- (3) удалить из текста ПрП все клаузы, в которых читается *гривна кун*;
- (4) удалить из текста ПрП статью, в которой читается *гривна золота*;
- (5) *ногата* ПрП → *ногата* КрП;
- (6) *куна* ПрП → в большинстве случаев *резана* КрП с сохранением суммы;
- (7) *куна* ПрП → в нескольких случаях *куна* КрП с сохранением суммы;
- (8) *куна* ПрП → в одном случае *куна* КрП с сокращением суммы вдвое;
- (9) *векша* ПрП → в одном случае *веврица* КрП;
- (10) удалить из текста ПрП все прочие статьи, в которых читается *векша*;
- (11) *куны* ‘деньги’ ПрП → в двух случаях *скот₂* КрП, одновременно с глубоким и маловразумительным изменением текста обеих статей;
- (12) удалить из текста ПрП все прочие статьи, в которых хотя бы один раз читается слово *куны* ‘деньги’ ПрП;
- (13) глубоко отредактировать и/или удалить из текста ПрП все клаузы, в которых читаются слова *скот₂* ‘домашние животные’ и *скотина* ‘домашнее животное’.

Как можно видеть, эти алгоритмы различны по объему (второй более чем вдвое превышает первый) и по разрешимости: «традиционный» алгоритм

(КрП → ПрП) не нуждается в дополнительных условиях и потенциально безошибочен, алгоритм же, имплицитный А. П. Толочко (ПрП → КрП), не содержит дополнительной информации о применении правил с пересекающейся дистрибуцией (1–3, 5–7, 8–9, 10–11) и в силу этого на любом шаге чреват ошибками, не позволяющими выполнить его с ожидаемым «чистым» результатом. Другими словами, вероятность безошибочного завершения этого алгоритма (по группе из порядка сотни нумизматических вхождений, требующих редакторского вмешательства при переходе от ПрП к КрП) исчезающе мала.

Отдельный вопрос о том, обладал ли таинственный новгородский мистификатор XV века необходимой лингвистической компетенцией в области исторической лексикологии и семантики нумизматических терминов XI–XII вв., чтобы не допустить ошибок на почти две сотни случаев ожидаемых от него редакторских решений (и это только по одной группе лексики!), можно считать риторическим и оставить без рассмотрения.

Подобное сравнение «алгоритмов мистификации», противостоящих традиционной точке зрения об использовании текста новгородской КрП XI в. при составлении общерусской ПрП XII в., можно было бы провести по всем группам специальной лексики — этносоциальной, политико-административной, уголовно-правовой и хозяйственно-бытовой. Нет никаких сомнений в том, что во всех случаях результаты этих процедур покажут высокую сходимость — что лишь упрочит вывод о драматической ошибочности построения А. П. Толочко.

Подводя итоги, я хотел бы сказать, что вопрос о текстуальном соотношении КрП и ПрП остается важной проблемой историко-филологической реконструкции. А. П. Толочко, несомненно, прав в констатации того тривиального факта, что дошедший до нас текст КрП является вставкой в летопись — в силу того обстоятельства, что вставками являются в принципе любые фрагменты нелетописного характера в обрамлении летописных нарративов и/или анналистических записей. (Интересно, что может оказаться верным и обратное: так, в самом тексте ПрП статья 2 по своей структуре и содержанию является *летописной вставкой* в правой текст.) Но наш киевский современник, полагаю, ошибается в том, что КрП создана в XV в. с определенной и нарочитой целью — мистифицирована «под XI век» на основании доступных мистификатору списков XII–XIII или XIV в. с текстом ПрП. Как я попытался показать на

тематически ограниченном, хотя и вполне представительном материале, вероятность успеха такой мистификации близка к нулю.

Мы должны быть благодарны А. П. Толочко за то, что он (ожидаемо) потерпел фиаско в своем «доказательстве» гипотезы о поддельности КрП в составе НПЛМ. Несмотря на ряд выдвинутых им небезынтересных сопоставлений и догадок на темы новгородского летописания, защищаемая им гипотеза сейчас выглядит еще более произвольной и безосновательной, чем в «догадках» его немногочисленных предшественников. Сохраняет поэтому значение традиционный взгляд на КрП как на памятник, восходящий к недошедшему до нас протографу, отражающему новгородскую денежную систему и новгородское законодательство XI в., которое легло в основу общерусского (resp. владими́ро-суздальского) законодательства XII в., представленного текстом ПрП.

Библиография

Литература:

Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004.

Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Зимин А. А. Правда русская. М., 1999.

Карский Е. Ф. Русская Правда по древнейшему списку: Введение, текст, снимки, объяснения, указатели авторов и словарного состава. Л., 1930.

Кулешов Вяч. С. Нумизматическая лексика и нумизматические ситуации в «Повести временных лет»: синтагматические и парадигматические аспекты // Деньги в российской истории: вопросы производства, обращения, бытования. Вып. I. СПб., 2018.

Лукин П. В. Коровья татьба в Правде Русской // По любви, в правду, безо всякие хитрости. М., 2014.

Памятники права Киевского государства X–XII вв. / Сост. А. А. Зимин. М., 1952.

Правда Русская. Т. I. Тексты / Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1940.

Соболевский А. И. Две редакции Русской Правды // 1885–1915: Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916.

Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов. М.; Л., 1941.

Толочко А. П. Краткая редакция Правды Руской: происхождение текста. Киев, 2009.

Толочко А. Пропавшая грамота // *Ruthenica*. Т. XII. Київ, 2014.

Цукерман К. О Правде Руской // *Ruthenica*. Т. XII. Київ, 2014.

Сведения об авторе

Кулешов Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Тюменского государственного университета, г. Тюмень (Россия), старший научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург (Россия), научный сотрудник Нумизматического института Стокгольмского университета, г. Стокгольм (Швеция). Области научный интересов: история, археология, нумизматика, историческое языкознание.

E-mail: viacheslav.kuleshov@gmail.com

Viacheslav S. Kuleshov

ON COUNTING MONEY IN ELEVENTH-CENTURY NOVGOROD, OR THE ‘SHORT’ REDACTION OF *RUSSKAYA PRAVDA* AS A LATE-MEDIEVAL FAKE (IN THE LIGHT OF A HYPOTHESIS FROM A. P. TOLOCHKO)

Annotation: In 2009, A. P. Tolochko made an attempt at proving the following statement: in early fifteenth-century Novgorod, an anonymous editor of the First Novgorod Chronicle created the text of the ‘Short’ version of *Russkaya Pravda* (SP) by means of shortening and changing the text of the ‘Expanded’ redaction (EP) in order to include it into the Chronicle. It is only recently that the fake has been discovered, after having fooled many generations of historians. One of the arguments in favour of Tolochko’s hypothesis is his opinion about the deviance of the way the ‘Short’ *Pravda* counts money, which is explained by the counterfeit nature of its text. The present article aims to show that the system

of money-counting employed in the ‘Short’ *Pravda* is internally consistent and linked by regular correspondences to a more innovative system of money-counting employed in the ‘Expanded’ *Pravda*. Based on a comparative analysis of numismatic vocabulary in both SP and EP, the author concludes that the ‘algorithm of mystification’ of SP from the text of EP is unsolvable, and the probability of a successful mystification is close to zero. The hypothesis of A. P. Tolochko needs to be rejected.

Keywords: *Russkaya Pravda*, ‘Short’ redaction, ‘Expanded’ redaction, money counting, numismatic vocabulary, *grivna*, *grivna kun*, *nogata*, *kuna*, *rezana*, *veveritsa*, *veksha*, algorithm, Novgorod.

References

Researches:

Zaliznyak A. A. «Slovo o polku Igoreve»: vzglyad lingvista. [The Tale of Igor's Campaign: a view of a linguist]. Moscow, 2004. (In Russian).

Zaliznyak A. A. Drevnerusskie ènklitiki. [Old Russian enclitics]. Moscow, 2008. (In Russian).

Zimin A. A. Pravda russkaya. [*Russkaya Pravda*]. Moscow, 1999. (In Russian).

Karskij E. F. Russkaya pravda po drevneyshemu spisku: vvedenie, tekst, snimki, obyasneniya, ukazateli avtorov i slovarnogo sostava. [*Russkaya Pravda* according to the oldest manuscript: introduction, edition, facsimile, commentary, index of authors and vocabulary]. Leningrad, 1930. (In Russian).

Kuleshov Viach. S. Numizmaticheskaya leksika i numizmaticheskie situatsii v «Povesti vremennyh let»: sintagmaticheskie i paradigmaticheskie aspekty [Numismatic vocabulary and numismatic situations in Russian Primary Chronicle: syntagmatic and paradigmatic aspects] // Den'gi v rossiyskoy istorii: voprosy proizvodstva, obrashcheniya i bytovaniya [Money in Russian history: issues in production, circulation and use]. St. Petersburg, 2018. (In Russian).

Lukin P. V. Korov'ya tat'va v Pravde Russkoy [Korov'ya tat'ba in Pravda Russkaya] // Po lyubvi, v pravdu, bezo vsyakiya khitrosti. Moscow, 2014. (In Russian).

Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva X–XII vv. [Monuments of law of the Kievan state, tenth to twelfth century] / Edited by A. A. Zimin. Moscow, 1952. (In Russian).

Pravda russkaya. T. I. Teksty [*Russkaya Pravda*. Vol. I. Texts] / Edited by B. D. Grekov. Moscow and Leningrad, 1940. (In Russian).

Sobolevskiy A. I. Dve redaktsii Russkoy Pravdy [Two redactions of *Russkaya Pravda*] // 1885–1915: Sbornik statey v chest' grafini P. S. Uvarovoy. Moscow, 1916. (In Russian).

Tikhomirov M. N. Issledovanie o Russkoy Pravde: Proiskhozhdenie tekstov [A study of *Russkaya Pravda*: the origin of texts]. Moscow and Leningrad, 1941. (In Russian).

Tolochko A. P. Kratkaya redaktsiya Pravdy Ruskoj: proiskhozhdenie teksta [The short redaction of *Russkaya Pravda*: the origin of text]. Kiev, 2009. (In Russian).

Tolochko A. Propavshaya gramota [A disappeared charter] // Ruthenica. Vol. XII. Kiev, 2014. (In Russian).

Tsukerman K. [Zuckerman C.] O Pravde Ruskoj [On the *Russkaya Pravda*] // Ruthenica. Vol. XII. Kiev, 2014. (In Russian).

About the author

Kuleshov Viacheslav S., Candidate of Historical Sciences (PhD), Associate Professor at the Department of archaeology, ancient and medieval history, State University of Tyumen, Tyumen (Russia), senior researcher at the Department of Slavic and Finnic archaeology, Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia), researcher at Stockholm Numismatic Institute, Stockholm University, Stockholm (Sweden).

E-mail: viacheslav.kuleshov@gmail.com